

Исторические корни волшебной сказки. Баба Яга как отражение Всемирного потопы (The historical roots of the fairy tale. Baba Yaga as a reflection of the Deluge)

Александр Иванович Сомсиков (Aleksandr Ivanovich Somsikov)

Abstract. The attributes of Baba Yaga: a stupa, a broom, threats to be burnt alive, a chase accompanied by a rattle which can be heard from afar, having put an ear to the ground; "gnawing" of woods, a water obstacle, are considered from a unified point of view. A logical connection between the mentioned attributes and the volcanic eruption hypothesis is suggested. The translation of article into English is enclosed.

Аннотация. С единой точки зрения рассмотрены атрибуты Бабы Яги – ступа, метла, угрозы заживо сжечь, погоня, сопровождаемая грохотом, который можно услышать издали, припав ухом к земле; “прогрызание” леса, водное препятствие. Предложена логическая связь указанных атрибутов с гипотезой вулканического извержения. Приложен перевод статьи на английский язык.

Тематика Бабы Яги рассматривалась в качестве научной проблемы. Например, в работе А.Я. Проппа [1].

Впрочем, на мой взгляд, никакие *исторические* корни эта работа не устанавливает, так что название книги не соответствует ее содержанию.

Однако предварительная черновая работа в части классификации тех или иных деталей сюжета ею выполнены, что можно использовать в реальных поисках исторических корней.

В целом, повествование о Бабе Яге насчитывает несколько вариантов сюжета.

Речь может идти о юном или молодом мужском персонаже, зачем-то являющимся к ней в дом. Она этому явно не рада и чего-то опасается. Может

пытаться его выпроводить или от него откупиться. Поскольку это не выходит, начинает замышлять его прямое убийство, причем всегда посредством *огня* – грозит изжарить, чтобы (это уже пояснение рассказчика) его съесть (зачем же еще?).

Однако ее замысел не удастся, и наоборот пришелец сам отправляет ее в *печь*, где она погибает, хотя, вероятно, и не съедается.

Во втором варианте сюжета визитером оказывается тоже достаточно юный, но уже женский персонаж. Дальнейший сюжет повторяется, но с таким изменением. Гостье удается от нее убежать (зачем тогда она собственно туда являлась?), а Яга, не желая отступить от своего намерения, устремляется за ней в погоню.

Девочка убегает, Яга ее преследует. Причем по земле, гремя своей ступой подобно телеге. Хотя вроде бы может летать. Но все же довольно быстро ее настигает. Ягу нужно каким-то образом задержать.

На ее пути создается препятствие – непроходимый *лес*. Встает вопрос: может остановиться и прекратить погоню? Однако не тут-то было.

Яга это, видимо, Агни, т.е. *огонь*. Лес для нее не преграда. И она действительно его “прогрызает”.

Затем создается другое препятствие – река. Здесь *огню* противостоит *вода*. Она его гасит и Яга отступает.

Сочувствие рассказчика на стороне убегающей (она и без того обижаемая сиротка, которую зачем-то заставили отправиться к страшной Яге под видом ее родственницы). Поэтому и являются волшебные средства, помогающие ей чинить препятствия на пути преследовательницы. По законам жанра таких препятствий может быть от двух до трех. После чего Яга, наконец, отступает, а героиня благополучно спасается.

Есть еще другие упоминания о Бабе Яге без явно повествовательного сюжета. Она может, например, летать на метле, спускаясь в печную трубу или вылетая из нее.

Хотя обычно она сидит в ступе, хотя и держит в руках метлу, и вместе с нею перемещается. По Пушкину “Там ступа с Бабою Ягой идет-бредет сама собой”, то есть уже не летает, а как-то подобно пьяному чуть ли не в раскоряку бредет по Земле. Впрочем, это может происходить довольно быстро, так что даже приходится придумывать специальные средства, чтобы ее задержать. При этом движение сопровождается каким-то *грохотом*, который можно услышать издалека, припав ухом к земле.

Так что летающая Баба Яга здесь уже явно смешана с образом ведьмы с такими же характеристиками и атрибутами. Которая может быть вовсе не старой и даже обладает способностью оборачиваться во что угодно. То есть ведьма это колдунья.

К этому примыкает не столько сказочный, скорее фольклорный образ - Огненного Змия. Который тоже летает, проникает через трубу и улетает оттуда. И тоже является оборотнем. Причем мужским. Являющимся в виде умершего или отсутствующего мужа к солдатке или вдове, чтобы истощать ее плотскими ласками. То есть это уже демоническая сущность типа инкуба.

Вероятно, следует отделять рассказы о Бабе Яге в качестве ведьмы и Огненного Змия как темы уже фольклора, примыкающие к рассказам о призраках и вампирах, а теперь уже и НЛЮ, от собственно сюжетов волшебной сказки. Которых, таким образом, остается всего лишь два.

А.Я. Пропп пытается объяснить происходящее с точки зрения идеи инициации так называемых “дикарей”, позаимствованной у Джеймса Фрезера [2]. Что приблизительно соответствует нашим выпускным экзаменам на “Аттестат зрелости” с той разницей, что последний является чистой формальностью, ничем не угрожающей выпускнику, тогда как первая является испытанием

мужественности и выносливости, сопровождаемый физическими страданиями на грани реальной гибели. Это необходимо для подтверждения готовности соискателя к трудностям жизни воина или охотника.

Однако сходство обрядов инициации с сюжетом волшебной сказки только кажущееся. Во-первых, в сказке вовсе не говорится об испытании, а о реальной угрозе гибели. А, во-вторых, итогом такого “испытания” является также реальная гибель, но уже самого “экзаменатора”, совершенно не предусматриваемая инициацией.

Поэтому такое объяснение следует признать поверхностным и полностью отклонить.

Что же остается?

Есть несколько довольно старых сюжетов, частично накладывающихся друг на друга. Некоторые элементы сюжета могут быть сопоставлены с фрагментом евангельских повествований. Это рассмотрено в работе [3] .

Другой вариант можно сопоставить с метафорическим описанием и объяснением календарных циклов [4] .

Можно предположить, что замена мужского персонажа женским, является естественной адаптацией рассказчика к самому слушателю или слушательнице.

Поскольку это может быть мальчик или девочка. В первом случае герой тоже, естественно, мальчик, и его тип поведения строго мужской – он доблестно побеждает и даже запросто убивает обидчицу Ягу. В которой он сам же и вторгся, то есть по факту сам является ее обидчиком.

Во втором случае герой, как и слушательница, является девочкой с женским стереотипом поведения. Она никого не убивает, а просто от нее убегает, хотя остается неясным, зачем она вообще туда являлась.

Можно предположить житейскую реконструкцию второго сюжета. Тогда возникает такая цепочка: вдовый отец – девочка, оставленная одна на хозяйстве, –

очаг – попытка разжечь огонь – пожар – бегство – лесной пожар – спасение в реке.

Это так сказать психологическое объяснение вариантов сюжета. В принципе оно тоже возможно, точнее, рассказчица выбирает тот вариант исполнения, который соответствует слушателю или слушательнице.

Само же глубокое различие сюжета это все же не объясняет. Что прежде всего относится к варианту с женским персонажем. С мужским все ясно – *пришел, увидел, победил*. Его сюжет вполне может быть объяснен календарной метафорой, дополненной повествованием о Снегурочке с дедом Морозом (Снеговиком) или Аленушке с братцем Иванушкой.

С женским персонажем сложнее.

Здесь, прежде всего, нуждаются в объяснении сами атрибуты Бабы Яги. Почему, например, она сидит и даже движется в *ступе*. Зачем ей нужна *метла*? Следы заметать – так это делается для защиты, например, от порчи или сглаза. Но она ведь сама как будто ведьма. Так почему она должна этого бояться и от кого для нее может исходить такая угроза? Это остается необъясненным.

Необъясним также и способ передвижения именно по земле, а не по воздуху, как и сопровождающий его *грохот*. Слышимый на большом от нее расстоянии. Это что значит?

Мы редко думаем о прямом смысле слов. Так что же такое *ступа*? По жизни мы знаем *ступку*, что значит *маленькая ступа*. Она напоминает обычный стакан, содержащий стенки и открытую сверху внутренней полостью. Туда помещается что-нибудь подлежащее измельчению. Она также имеет *пестик*, которым осуществляется само измельчение, посредством толчения или растирания. В случае Бабы Яги пестик заменяет она сама или ее метла. Вот внешний вид ступки

Рис. 1.

Рис.1. Внешний вид ступки

А что такое *ступа*? Вероятно, *большая ступка*. Судя по названию, она содержит какие-то *ступени*, отсутствующие в *маленькой ступе (ступке)*.

Мы это где-нибудь видели? – Да, хотя бы, может быть, просто на картинке. Например, здесь Рис. 2 – 3.

Рис. 2. Ступа.

Рис. 3 Буддийская ступа.

Действительно, в *ступе* наблюдаются и как бы ступени. Полагаю, бессмысленно спрашивать самих ее почитателей о символизме такого сооружения. Прежде всего, потому, что будет немедленно предложен бесконечный поток слов, из которых только и можно понять, что сам объясняющий ровно ничего в этом не понимает.

Поэтому взамен таких объяснений, поищем самостоятельно что-то похожее.

Может ли это напоминать нечто встречающееся прямо в природе? – Да, и называется оно уже не **СТУПКОЙ** или **СТУПОЙ**, а совершенно иначе. Как именно?

– А вот как: **ВУЛКАН!**

Вот, например Рис. 4 – 6.

Рис. 4. Вулкан Везувий.

Рис. 5. Жерло Везувия.

Рис. 6. Вулкан Фукусима.

И сразу все становится на место.

Во-первых, Баба Яга это Агни – госпожа или богиня *огня*. Вот потому-то она и грозитя *заживо сжечь*, что она и есть сам *огонь*, и это ее *оружие*.

Во-вторых, она сидит в *ступе*, т.е. внутри ВУЛКАНА, показываясь из его жерла.

В-третьих, ее устремление в погоню вместе со СТУПОЙ соответствует ИЗВЕРЖЕНИЮ ВУЛКАНА. От которого земля, естественно, сотрясается, что можно слышать издалека, приложив к ней ухо.

В-четвертых, извержение подобно *метле* сметает все на своем пути, обращая его в пыль и прах.

В-пятых, оно *изгрызает* встречающийся на его пути *лес*, которых при этом просто сгорает.

И наконец, в-шестых, *вода* может уничтожить *огонь*, даже извержение вулкана, если это вода *широкой* и *глубокой* реки. Проще говоря – моря или океана. Вспомним, что в древности Земля считалась окруженной широкой и глубокой “*рекой Океан*”, пригодной для остановки любого извержения.

И все эти *атрибуты* в слегка искаженном виде присутствуют в сказочном повествовании!

Чтобы убедиться с какой легкостью может возникнуть непонимание у слушателя, не видевшего это воочию и только услышавшем это из чужих уст, вспомним гениальное произведение Федерико Феллини [5] . Вот этот сюжет в текстовом исполнении (Пер. с ит. Г. Богемского, А. Миролубовой):

“**Орландо** направляется к Великому герцогу, но его вежливо задерживают на почтительном расстоянии.

Переводчик объясняет.

Переводчик. Великий герцог позволяет вам взять интервью, но только через переводчика... Задавайте вопросы, а я буду переводить!

Орландо. Спасибо.

Переводчик. Можете начинать.

Молодой Великий герцог Херцог тем временем натянул перчатку и пробует шпагу, сгибая ее клинок.

Великий герцог (по-немецки). Интервью! Если бы он мог представить себе, что мне известно меньше, чем кому бы то ни было!

Орландо открывает блокнот, прочищает горло и начинает с видом профессионала.

Орландо. Нам известно, что вы, Ваше высочество, были большим поклонником нашей великой артистки... И то, что вы... соизволили почтить это плавание своим августейшим присутствием, глубоко тронуло всех. Памятуя об этой вашей необычайной человечности, я надеюсь услышать от вас... слова утешения, упования, обращенные к тем, кто... как мы, блуждает в потемках и не ведает, что уготовила нам судьба... и ощущает угрозу в международной обстановке.

Переводчик. Благодарю вас.

Переводчик поворачивается к Великому герцогу и переводит на немецкий язык.

Переводчик. Итальянский журналист говорит, что добрая половина человечества несчастна, и вроде бы хочет услышать слова утешения.

Премьер-министр (по-немецки). А! И в чем же именно состоит вопрос?

Переводчик (поворачиваясь к Орландо). Он спрашивает, в чем состоит ваш вопрос.

Орландо. Что думает Великий герцог о международном положении?

Переводчик (переводит на немецкий язык). Итальянский журналист желает, чтобы Ваше высочество изложили ваши взгляды на международное положение.

Великий герцог (по-немецки). Мы все сидим на горе (Рис. 7).

Рис. 7. – Мы все сидим на краю горы

Шеф полиции, который стоит за спиной Орландо, устрашающе степенный и чинный, будто русский поп, вмешивается.

Шеф полиции (по-венгерски). Простите, что вмешался, но Великий герцог... сказал... “в дыре”; что же до остального...

Переводчик. Граф Кунц поправляет меня. Он уверяет, что Великий герцог сказал: “дыра”. Мне слышалось “гора”.

Орландо благодарный, недоумевающий, поворачивается к Шефу полиции, переспрашивает.

Орландо. А... Но что это за дыра?

Переводчик (переводит). Вопрос таков, Ваше высочество: что это за дыра? Благодарю вас.

Премьер-министр (по-немецки). Простите, но Великий герцог употребил метафору, он сказал, что все мы сидим на горе...

Переводчик. Граф фон Хуппенбак говорит, что Великий герцог употребил метафору, и неважно, “гора” это или “дыра”... Я, во всяком случае, понял как “гора”.

Разгорается спор между Переводчиком и Шефом полиции (по-немецки и по-венгерски).

Шеф полиции. Он именно сказал “дыра”.

Переводчик. Нет, “гор”.

Шеф полиции. Нет, “дыр”.

Переводчик. “Гор”!

Шеф полиции. “Дыра” – munt, “дыра”!

Переводчик. Но немецкий – мой второй родной язык. “Гор”, он сказал “гора”!

Шеф полиции. Ich merem a mandiar gnelvet esch a nemetet.

Свита Великого герцога переглядывается в замешательстве.

Переводчик. О Боже мой!

Шеф полиции. “Munt”!

Тут вмешивается Великий герцог, он издает громкие звуки, размахивает руками.

Великий герцог. Пум! Пум! Пум! (По-немецки.) Переводи.

Переводчик. Великий герцог говорит: “Пум, пум”.

Орландо. Что он хочет сказать?

Переводчик. Думаю, что этим выражением Его высочество хотел подчеркнуть...

Орландо. Может быть, Тройственный союз... вы хотите отступить от своих обязательств? Предоставить Италию ее трагической судьбе?

Переводчик (вне камеры, переводит). Ваше высочество, журналист спрашивает...

Но Его высочество теряет терпение; вручает шпагу кому-то из свиты, подходит к Орландо и повторяет с решимостью, подчеркивая каждый звук, каждый жест.

Великий герцог. Пум! Пум! Пум! (Рис. 8).

Рис. 8. – Пум-пум-пум!

Переводчик. Великий герцог говорит: “Пум, пум!”

Орландо задумывается на минуту – и вот ему кажется, что загадка разрешена.

Орландо. Пум... пум... пум... Дыра горы! (Смеется.) Да это же кратер вулкана! Мы сидим... в жерле... вулкана! Превосходно! Теперь я понял! Да ведь это трагедия... Спасибо! Спасибо! Дыра горы! Конечно же, это катастрофа!

Его внезапная, ничем не оправданная веселость передается свите Великого герцога.

Сам Великий герцог хохочет от всего сердца, надевая маску и собираясь приступить к бою на шпагах.

Премьер-министр (по-немецки). Интервью окончено.

Переводчик. Интервью завершено.

Орландо вежливо предлагают удалиться. Он охотно повинует, отступает, твердя.

Орландо. Да, да, конечно; поблагодарите от меня Его высочество. Господа, всего доброго.

Закрывает блокнот и решительным шагом выходит из спортивного зала”.

Одно лишь слово, неверно или неточно переведенное, с возможностью полного тупика понимания! Слава Богу, Орландо обладает незаурядными способностями УЧЕНОГО, способного расшифровать эту загадку.

Не могу удержаться, чтобы не привести другую цитату, показывающую, что я понимаю под научным анализом, – способность извлекать достоверную информацию из неожиданных, не предназначенных для этого источников.

Вот эта большая цитата:

“ Глава IX

Израиль познает тайны доходных домов Латинского квартала

Притворив за собой дверь, Израиль вышел на середину комнаты и с любопытством осмотрелся.

Темный пол, паркетный, но без ковра; два кресла красного дерева с вышивными сиденьями, кое-где протертыми; одна кровать красного дерева с пестрым, но полинявшим покрывалом; мраморный умывальник, весь в трещинках, и фарфоровый кувшин с водой, но без ручки. Комната казалась ему огромной – эта часть обширного построенного квадратом дома некогда была особняком вельможи. Внушительные размеры комнаты придавали скудной мебели еще более убогий вид.

Однако мраморная доска над камином (добавленная сравнительно недавно) и то, что находилось на ней, в глазах Израиля не только искупали все остальное, но и придавали комнате вид роскошный и уютный. Особенно ему понравилось старомодное квадратное зеркало, огромное и тяжелое, которое было вделано в

стену над полкой наподобие мемориальной доски. В зеркале же этом весело отражались следующие изящные вещицы: во-первых, два букета в прелестных фарфоровых вазах; во-вторых, один кусок белого мыла; в-третьих, один кусок розового мыла (оба они источали благоухание); в-четвертых, одна восковая свеча; в-пятых, одна фарфоровая коробочка с трупом и огнивом; в-шестых, один флакон одеколона; в-седьмых, один бумажный фунтик сахара, уже наколотого так, что его можно было положить в сахарницу; в-восьмых, одна серебряная чайная ложка; в-девятых, один небольшой стеклянный стакан; в-десятых, один графин с холодной прозрачной водой; и в-одиннадцатых, одна запечатанная бутылка с жидкостью благородно-золотистого цвета и этикеткой “Отар”.

– И что это еще за “О-т-а-р” – рассуждал вслух Израиль, прочитав надпись по буквам. – Может, сходить к доктору Франклину и спросить? Он ведь все знает. Ну-ка понюхаем. Нет, закупорено плотно, и весь запах сидит внутри. А цветы красивые. Понюхаем. Тоже не пахнут. А, вот в чем дело: это цветы, как на дамских шляпах – коленкоровые цветы. Отличное мыло. И вот оно-то пахнет... ни дать ни взять, розы из мыла – белая роза и красная роза. А этот пузырек с длинным горлышком похож на журавля. И что это в него налито? Ну-ка, ну-ка! Оде-ко-лон. Может, и доктор Франклин тут не разберется? Похоже на его белое вино. Сахар хороший. Ну-ка попробуем. Да, очень хороший сахар, сладкий, как... ну да, прямо как сахар. Получше кленового, который варят у нас. Только грызть надо потише, а то еще доктор услышит. А это чайная ложка. Для чего бы ей тут лежать? Чая нет, и чайной чашки тоже; зато есть стаканчик и вода для питья. Дайте-ка сообразить. А ведь если сопоставить это, да это, да то, получается вроде как буквы со значением. Ложка, стаканчик, вода, сахар... и получается “коньяк”. Значит, “О-т-а-р” это коньяк. Кто все это здесь поставил? И для чего? Сахар ведь не украшение, да и ложка тоже, и кувшинчик с водой. И смысл может быть только один: некий невидимый благодетель любезно приглашает меня выпить стаканчик коньяка с сахаром, если я того пожелаю – и воздержаться, если я того

не пожелаю. Вот как я все это толкую. Однако надобно, пожалуй, спросить у доктора Франклина; вдруг да я ошибся и это чьи-то чужие вещи, вовсе не для меня предназначенные. О-де-ко-лон, для чего бы... ну, неважно. Мыло – мылом моются. Мыло мне, во всяком случае нужно. Давайте-ка поглядим... нет, на умывальнике мыла нет. Значит в Париже мыло даром не получают. Если оно тебе понадобилось – пожалуйста, бери с каминной полки, и его поставят в счет. Не понадобилось – не трогай и не плати. Что ж, это выходит справедливо. Хотя тому, кому мыло не по карману, все время видеть перед собой два такие прекрасные куска – большой соблазн. Ну, если на то пошло, “О-т-а-р” – тоже соблазн немалый. Впрочем, коли он не придется мне по вкусу, я его больше пить не стану. Надо бы попробовать. А бутылка запечатана. И вдруг я не так истолковал эту надпись из вещей! Кто его знает! Ну, да одного глотка худа не будет. Эй, пробка, вылезай... Идут!

В дверь постучали.

Поспешно поставив бутылку на место, Израиль сказал:

– Войдите.

Это был мудрец.

– Мой честный друг, – заговорил доктор, входя в комнату энергичной походкой, – я был так занят, пока вы завершали свое дело на Новом мосту, что не успел посмотреть приготовленную для вас комнату. Я только распорядился, а потом мне сказали, что мое распоряжение выполнено. Но сию минуту мне вспомнилось, что у парижских квартирных хозяек в ходу странные обычаи, которые могут поставить чужестранца в тупик, и поэтому я поспешил к вам, дабы разъяснить все, чего вы могли не понять. Да-да, так я и думал, – добавил он, взглянув на каминную полку.

– Я, доктор, как раз хотел спросить у вас, что такое “О-т-а-р”?

– “Отар” – это яд.

– Страсти какие!

– Да, и пожалуй, лучше всего мне будет немедленно забрать его отсюда, – ответил мудрец, деловито сунув бутылку под левую мышку. – Надеюсь, вы не пользуетесь одеколоном?

– А... а что это такое, доктор?

– Понятно. Вы никогда даже не слышали об этой никому не нужной роскоши – похвальное невежество. Вам довольно обонять цветы ваших гор. Значит, он вам тоже не понадобится, – и флакон с одеколоном нашел приют под правой мышкой. Свеча... она вам понадобится. Мыло... мыло вам нужно. Возьмите белый кусок.

– Он дешевле, доктор?

– Да, и ничуть не хуже розового. Надеюсь, у вас нет привычки грызть сахар? Это портит зубы. Сахар я забираю. – И фунтик с сахаром исчез в одном из вместительных карманов, украшавших кафтан ученого.

– Так уж возьмите и всю мебель. Доктор Франклин! Давайте я помогу вам вытащить кровать.

– Мой честный друг, – ответил мудрец, спокойно останавливаясь, и бутылки у него под мышками блеснули, как бычьи пузыри на поясе купальщика. – Мой честный друг, кровать вам понадобится; я же собираюсь изъять отсюда лишь то, что вам понадобится не может.

– Я просто пошутил, доктор.

– Я это понял. Шутить не к месту – дурная привычка: нужно знать, когда шутить и с кем шутить. Все эти предметы разложила на каминной полке хозяйка, чтобы гост выбрал то, что ему нужно, а остального не трогал. Завтра утром вашу комнату придет убрать служанка. Она унесла бы все, что вам не понадобилось, а прочее было бы поставлено в счет, даже если бы вы использовали лишь чуточку.

– Я так и подумал. Но тогда, доктор, зачем же вам беспокоится и уносить бутылки?

– Зачем? Но разве вы не у меня в гостях, мой честный друг? Я был бы плохим хозяином, если бы позволил кому-то третьему оказывать вам ненужные услуги под кровом, который пока считается как бы моим.

Эти слова мудрец произнес самым любезным, самым искренним тоном. А кончив, слегка поклонился Израилю с кротким достоинством.

Очарованный его обходительностью, Израиль не промолвил больше ни слова и молча смотрел, как он вышел из комнаты, унося бутылки и все прочее. И только когда первое впечатление от любезности почтенного посланника несколько ослабело, он догадался об успешном тактическом маневре, который скрывался за столь лестной для него заботливостью.

– Да, размышлял Израиль, понуро усевшись напротив опустошенной каминной полки и держа в руке пустой стаканчик и чайную ложку. – Не очень-то приятно иметь соседом такого вот доктора Франклина” (перевод с англ. И. Гуровой).

Здесь я прерву это захватывающее повествование Германа Мелвилла [6], чтобы по нечаянности не прочитать его до конца.

Итак, что можно предположить в конечном итоге? – Вот что.

Вероятно, второй сюжет о Бабе Яге это еще одно сохранившееся повествование, на этот раз чисто *русское*, о Всемирном Потопе, вызванном гигантским вулканическим извержением. И о спасении от него человечества, представленного юным женским персонажем. Понятым становится и термин СТУПА – ведь при извержении пласты лавы последовательно надвигаются друг на друга образуя ТРАППОВЫЕ, то есть *ступенчатые* структуры.

Это может быть третьим возможным объяснением сюжета волшебной сказки.

Литература

1. Пропп А.Я. “Исторические корни волшебной сказки”.
2. Фрезер Джеймс “Золотая ветвь”.

3. Сомсиков А.И. “Евангельские отражения в народных сказках”
<http://viXra.org/pdf/1808.0658v1.pdf> .
4. Сомсиков А.И. “Баба Яга как календарная метафора”
<https://vixra.org/pdf/1809.0020v1.pdf> .
5. Феллини Ф., Гуэрра Т. “Амаркорд. И корабль плывет”: Киноповести
Пер. с ит. Г. Богемского, А. Миролубовой. – СПб.: Азбука-классика,
2002. – с.с. 208 – 214.
6. Мервилл Герман “Израиль Поттер. Пятьдесят лет его изгнания”
Изд. “Художественная литература” Москва, 1966, с.с. 99 – 103.

Исторические корни волшебной сказки. Баба Яга как отражение Всемирного потопы (The historical roots of the fairy tale. Baba Yaga as a reflection of the Deluge)

Александр Иванович Сомсиков (Aleksandr Ivanovich Somsikov)

Abstract. The attributes of Baba Yaga: a stupa, a broom, threats to be burnt alive, a chase accompanied by a rattle which can be heard from afar, having put an ear to the ground; "gnawing" of woods, a water obstacle, are considered from a unified point of view. A logical connection between the mentioned attributes and the volcanic eruption hypothesis is suggested. The translation of article into English is enclosed.

Аннотация. С единой точки зрения рассмотрены атрибуты Бабы Яги – ступа, метла, угрозы заживо сжечь, погоня, сопровождаемая грохотом, который можно услышать издали, припав ухом к земле; “прогрызание” леса, водное препятствие. Предложена логическая связь указанных атрибутов с гипотезой вулканического извержения. Приложен перевод статьи на английский язык.

The subject of Baba Yaga has been treated as a scientific problem. For example, in the paper of A. Y. Propp [1].

However, I believe that this paper does not identify any *historical* roots, so the title of the book does not correspond to its content.

However, it has done some preliminary draft work in terms of classifying certain details of the plot, which can be used in the actual search for historical roots.

In general, the Baba Yaga narrative has several variants of the plot.

It could be a young male character appearing at her house for some reason. She is clearly not happy about this and is afraid of something, and may try to send him away or pay him off. As this fails, she plots to kill him outright, always by means of a *fire*: she threatens to roast him in order (this is the narrator's explanation) to eat him (why else?).

However, her plan fails and instead the alien himself sends her to the *furnace*, where she dies, though probably not eaten.

The second version of the story also has a fairly young, but female, visitor. The rest of the storyline repeats itself but with this alteration: the visitor manages to flee from her (why did she come there in the first place?) and Yaga, unwilling to abandon her intention, rushes after her.

The girl runs away and Yaga chases her, on the ground, rattling her foot like a cart, even though she seems to be able to fly. But she catches up with her rather quickly. The Yaga must be restrained.

An impassable *forest* stands in her way. The question arises: should she stop and give up the chase? However, there is no way out.

Yaga is apparently *Агни*, i.e. *огонь* (fire). The forest is no barrier for her. And she really "chews through" it.

Then another obstacle is created: a river. Here the *fire* is confronted by *water*. It quenches it and Yaga retreats.

The sympathy of the narrator is on the side of the runaway (she is an already abused orphan who has been forced to go to the terrible Yaga in the guise of her relative for some reason), so there are magical means to help her put obstacles in the way of her pursuer. The rules of the genre say there may be two to three such obstacles. After which Yaga finally retreats and the heroine is safely rescued.

There are other references to Baba Yaga without an obvious narrative plot. She may, for example, fly on a broom, descending into or out of a stovepipe, although she usually sits in a stupa, though she holds a broom in her hand and moves with it. Pushkin said: "There's a stupa with the witch Baba Yaga that moves about on its own," i.e. they are not flying, but, like a drunk, trudging across the Earth. However, this can happen rather quickly, so that one even has to devise special means to delay it. The movement is accompanied by some sort of *rumbling noise*, which can be heard from afar, with one's ear to the ground.

So the flying Baba Yaga is clearly mixed up with the image of a witch with the same features and attributes, which may not be at all old and even has the ability to turn into anything, that is, a witch is a sorceress.

This is supplemented by the less-than-fairy, more folkloric image of the Fiery Serpent, who also flies and enters and leaves through a chimney and is also a werewolf, a male werewolf who appears as a dead or absent husband to a soldier wife or a widow and who exhausts her with carnal pleasures. In other words, it is already an incubus-like demonic entity.

We probably have to separate the stories of Baba Yaga as a witch and the Fiery Serpent as topics of folklore, adjacent to the stories of ghosts and vampires, and now UFOs, from the stories of the magic tale proper, which thus remain only two.

Propp tries to explain what is happening in terms of the idea of initiation of the so-called "savages", borrowed from James Frazier [2], which corresponds approximately to our matriculation examinations with the difference that the latter is a pure formality with no threat to the graduate, whereas the former is a test of manhood and endurance, accompanied by physical suffering on the verge of actual death. It is necessary to confirm the aspirant's readiness for the hardships of the warrior or hunter's life.

However, the similarities between initiation rites and the plot of a fairy tale are only apparent. Firstly, the tale does not speak of a test at all, but of a real threat of death. And secondly, the outcome of such a "test" is also a real death, but of the "examiner" himself, not at all envisaged by the initiation.

Such an explanation must therefore be recognized as superficial and completely rejected.

So, what remains?

There are some fairly old plots, partly overlapping with each other. Some elements of the story can be juxtaposed with a fragment of the gospel narratives. This is explored in the paper [3].

Another option can be compared to the metaphorical description and explanation of calendar cycles [4].

It can be assumed that the replacement of a male character with a female one is a natural adaptation of the narrator to the listener, as it can be a boy or a girl. In the first case, the hero is also a boy, and his type of behaviour is strictly male: he valiantly defeats and even easily kills the abuser Yaga, whom he has invaded, that is, in fact, he is her abuser himself.

In the second case, the hero, like the listener, is a girl with a feminine stereotype of behaviour. She does not kill anyone, but simply runs away from her, although it remains unclear why she was there in the first place.

We can assume a worldly reconstruction of the second plot. This then leads to the following chain: the widowed father – the girl left on her own – the hearth – an attempt to light a fire – the fire – escape – the forest fire – rescue in the river.

This is, so to speak, a psychological explanation of the story options. It is also possible; more precisely, the narrator chooses the version of performance that suits the listener.

This does not explain the profound difference in the story itself, which is primarily true of the female character version. The male one is clear: *he came, he saw, he conquered*. His plot can well be explained by the calendar metaphor, supplemented by the tale of Snegurochka with Ded Moroz (the Snowman) or Alyonushka with her brother Ivanushka.

The female character is more complicated.

Here, above all, the very attributes of Baba Yaga need explanation. Why, for example, she sits and even moves in a *stupa*? Why does she need a *broom*? To sweep away all traces? It is done for protection, for example, from spoilage or devil eye. But she is like a witch herself. Why should she be afraid of it and from whom could she be so threatened? This remains unexplained.

The way it travels precisely on the ground and not in the air is also unexplained, as is the accompanying *rumble* audible at a great distance from it. What does it mean?

We rarely think about the literal meaning of the words. So what is *cmyna* (stupa)? We know *cmynka* (mortar) from life, which means a *small stupa*. It resembles an ordinary glass with walls and an inner cavity open on top. Something to be chopped is placed in it. It also has a *pestle*, which is used to carry out the grinding itself, either by grinding or mashing. In the case of Baba Yaga, the pestle is replaced by herself or her broom. Here is an external view of a mortar (Fig. 1).

Fig. 1. The appearance of a mortar

What is a *stupa*? Probably a *large mortar*. Judging by its name, it contains some *steps* missing from the *small stupa* (mortar).

Have we seen this anywhere? Just a picture. Here, for example (Fig. 2-3).

Fig. 2. Stupa.

Fig. 3 Buddhist stupa.

Indeed, there are steps in the *stupa*. I think it is senseless to ask the devotees themselves about the symbolism of this construction, because they will immediately suggest an endless stream of words, which only makes it possible to understand that the person explaining it understands nothing.

So instead of offering such explanations, we will look for something similar on our own.

Could it resemble something found directly in nature? Yes, and it is no longer called STUPA or MORTAR, but something entirely different. How, exactly?

Like this: A VOLCANO!

Here, for example (Fig. 4-6).

Fig. 4. Mount Vesuvius.

Fig. 5. Vesuvius mouth.

Fig. 6. Mount Adatara.

And everything immediately falls into place.

First, Baba Yaga is Agni, the mistress or goddess of *fire*. This is why she threatens to *burn alive*, because she is *fire* itself, and this is her *weapon*.

Secondly, she sits in a *mortar*, i.e. inside VOLCANO, showing herself from its mouth.

Thirdly, its rush in pursuit along with the stupa corresponds to the eruption of a volcano, which naturally shakes the earth, which can be heard from afar by putting an ear to it.

Fourthly, the eruption sweeps away everything in its path like a *broom*, turning it to dust and ashes.

Fifth, it *gnaws away* at the *forest* that is in its path and burns it up.

And finally, sixthly, *water* can destroy *fire*, even a volcanic eruption, if it is a *wide* and *deep* river. Simply put, the sea or the ocean. Recall that in ancient times the Earth was thought to be surrounded by a wide and deep '*Ocean River*', suitable for stopping any eruption.

And all these *attributes* are present in a slightly distorted form in the fairy tale narrative!

To see how easily a misunderstanding can arise in a listener who has not seen it with his own eyes and has only heard it from someone else's lips, let us remember Federico Fellini's brilliant work [5]. Here is this plot in textual version (Translated from Italian to Russian by G. Bohemsky, A. Mirolyubova):

"**Orlando** heads towards the Grand Duke, but is politely detained at a respectful distance.

The interpreter explains.

Interpreter. The Grand Duke allows you to have an interview, but only through an interpreter... Ask your questions and I will translate!

Orlando. Thank you.

Interpreter. You may begin.

The young Grand Duke of Harzock, meanwhile, has drawn his gauntlet and is trying out his sword, flexing its blade.

Grand Duke (in German). Interview! If he could only imagine that I know less than anyone else!

Orlando opens his notebook, clears his throat and starts with the look of an expert.

Orlando. We know that you, Your Highness, have been a great admirer of our great artist... And the fact that... you deigned to honour this voyage with your august presence touched everyone deeply. Keeping in mind this extraordinary humanity of yours, I hope to hear from you... words of consolation, words of hope, addressed to those who... like us, are wandering in the dark, unaware of what fate... has in store for us, and feeling threatened by the international situation.

Interpreter. Thank you.

The interpreter turns to the Grand Duke and translates into German.

Interpreter. The Italian journalist says that a good few of humanity is unhappy and wishes to hear words of comfort.

Prime Minister (in German). Ah! And what exactly is the question?

Interpreter (turning to Orlando). He asks what your question is.

Orlando. What does the Grand Duke think of the international situation?

Interpreter (translating into German). An Italian journalist wishes Your Highness to present your views on the international situation.

Grand Duke (in German). We are all sitting on a mountain (Fig. 7).

Fig. 7. – We are all sitting on the edge of a mountain

The Chief of Police, who is standing behind Orlando, intimidatingly stately and dignified, like a Russian priest, intervenes.

Chief of Police (in Hungarian). Forgive me for interfering, but the Grand Duke... said... 'in the hole'; as for the rest...

Interpreter. Count Kunz corrects me. He assures me that the Grand Duke said: 'hole'. I heard 'mountain'.

Orlando, grateful, perplexed, turns to the Chief of Police, asks again.

Orlando. Ah... But what kind of hole is this?

Interpreter (translates). The question is, Your Highness: What is this hole? Thank you.

Prime Minister (in German). Excuse me, but the Grand Duke used a metaphor, he said that we are all sitting on a mountain...

Interpreter. Count von Huppenbeck says the Grand Duke used a metaphor, and it doesn't matter whether it's 'mountain' or 'hole'... At any rate, I understood it as 'mountain'.

An argument breaks out between the Interpreter and the Chief of Police (in German and Hungarian).

Chief of Police. He actually said 'hole'.

Interpreter. No, 'mountain'.

Chief of Police. No, 'hole'.

Interpreter. 'Mountain'!

Chief of Police. 'Hole' – munt, 'hole'!

Interpreter. But German is my second native language. 'Mountain', he said 'mountain'!

Chief of Police. Ich merem a mandiar gnelvet esch a nemetet.

The Grand Duke's entourage looks around in confusion.

Interpreter. Oh, my God!

Chief of Police. “Munt”!

The Grand Duke intervenes, making loud noises and waving his arms.

Grand Duke. Poom! Poom! Poom! (In German.) Translate.

Interpreter. The Grand Duke says, "Poom, poom."

Orlando. What does he mean?

Interpreter. I think what His Highness meant by that expression was...

Orlando. Perhaps the Triple Alliance... you want to back out of your commitment?

Leave Italy to its tragic fate?

Interpreter (off-camera, translating). Your Highness, the journalist asks...

But His Highness loses patience; hands the sword to someone in the entourage, approaches Orlando and repeats with determination, emphasising every sound, every gesture.

Grand Duke. Poom! Poom! Poom! (Fig. 8).

Fig. 8. – Poom, poom, poom!

Interpreter. Grand Duke says, "Poom, poom!"

Orlando hesitates for a moment, and then he thinks the riddle is solved.

Orlando. Poom, poom, poom... The mountain's mouth? (Laughs.) But it's a volcano's mouth. We're sitting... on a volcano's... mouth. Now I understood the metaphor! A tragedy... Thank you! Thank you! Hole of the mountain! Of course, it's a disaster!

His sudden, unapologetic gaiety is transmitted to the Grand Duke's entourage.

The Grand Duke himself is laughing heartily, putting on his mask and getting ready to start sword fighting.

Prime Minister (in German). The interview is over.

Interpreter. The interview is over.

Orlando is politely invited to leave. He eagerly obeys, retreating.

Orlando. Yes, yes, of course; thank His Highness for me. Gentlemen, good day.

He closes his notebook and walks out of the gym with a decisive step".

One word alone, mistranslated or inaccurately translated, with the possibility of a complete deadlock of understanding! Thank God, Orlando has the uncanny ability of a SCIENTIST to decipher this enigma.

I can't resist quoting another piece that shows what I mean by scientific analysis: the ability to extract reliable information from unexpected, unintended sources.

Here's that big quote:

“Chapter IX

Israel is initiated into the mysteries of lodging-houses in the Latin Quarter

Closing the door upon himself, Israel advanced to the middle of the chamber, and looked curiously round him.

A dark tessellated floor, but without a rug; two mahogany chairs, with embroidered seats, rather the worse for wear; one mahogany bed, with a gay but tarnished counterpane; a marble wash-stand, cracked, with a china vessel of water, minus the handle. The apartment was very large; this part of the house, which was a very extensive one, embracing the four sides of a quadrangle, having, in a former age, been the hotel of a nobleman. The magnitude of the chamber made its stunted furniture look meagre enough.

But in Israel's eyes, the marble mantel (a comparatively recent addition) and its appurtenances, not only redeemed the rest, but looked quite magnificent and hospitable in the extreme. Because, in the first place, the mantel was graced with an enormous old-fashioned square mirror, of heavy plate glass, set fast, like a tablet, into the wall. And in

this mirror was genially reflected the following delicate articles: --first, two bouquets of flowers inserted in pretty vases of porcelain; second, one cake of white soap; third, one cake of rose-colored soap (both cakes very fragrant); fourth, one wax candle; fifth, one china tinder-box; sixth, one bottle of Eau de Cologne; seventh, one paper of loaf sugar, nicely broken into sugar-bowl size; eighth, one silver teaspoon; ninth, one glass tumbler; tenth, one glass decanter of cool pure water; eleventh, one sealed bottle containing a richly hued liquid, and marked "Otard."

"I wonder now what O-t-a-r-d is?" soliloquised Israel, slowly spelling the word. "I have a good mind to step in and ask Dr. Franklin. He knows everything. Let me smell it. No, it's sealed; smell is locked in. Those are pretty flowers. Let's smell them: no smell again. Ah, I see--sort of flowers in women's bonnets--sort of calico flowers. Beautiful soap. This smells anyhow--regular soap-roses--a white rose and a red one. That long-necked bottle there looks like a crane. I wonder what's in that? Hallo! E-a-u--d-e--C-o-l-o-g-n-e. I wonder if Dr. Franklin understands that? It looks like his white wine. This is nice sugar. Let's taste. Yes, this is very nice sugar, sweet as--yes, it's sweet as sugar; better than maple sugar, such as they make at home. But I'm crunching it too loud, the Doctor will hear me. But here's a teaspoon. What's this for? There's no tea, nor tea-cup; but here's a tumbler, and here's drinking water. Let me see. Seems to me, putting this and that and the other thing together, it's a sort of alphabet that spells something. Spoon, tumbler, water, sugar,--brandy--that's it. O-t-a-r-d is brandy. Who put these things here? What does it all mean? Don't put sugar here for show, don't put a spoon here for ornament, nor a jug of water. There is only one meaning to it, and that is a very polite invitation from some invisible person to help myself, if I like, to a glass of brandy and sugar, and if I don't like, let it alone. That's my reading. I have a good mind to ask Doctor Franklin about it, though, for there's just a chance I may be mistaken, and these things here be some other person's private property, not at all meant for me to help myself from. Cologne, what's that--never mind. Soap: soap's to wash with. I want to use soap, anyway. Let me see--no, there's no soap on the wash-stand. I see, soap is not given

gratis here in Paris, to boarders. But if you want it, take it from the marble, and it will be charged in the bill. If you don't want it let it alone, and no charge. Well, that's fair, anyway. But then to a man who could not afford to use soap, such beautiful cakes as these lying before his eyes all the time, would be a strong temptation. And now that I think of it, the O-t-a-r-d looks rather tempting too. But if I don't like it now, I can let it alone. I've a good mind to try it. But it's sealed. I wonder now if I am right in my understanding of this alphabet? Who knows? I'll venture one little sip, anyhow. Come, cork. Hark!"

There was a rapid knock at the door.

Clapping down the bottle, Israel said, "Come in."

It was the man of wisdom.

"My honest friend," said the Doctor, stepping with venerable briskness into the room, "I was so busy during your visit to the Pont Neuf, that I did not have time to see that your room was all right. I merely gave the order, and heard that it had been fulfilled. But it just occurred to me, that as the landladies of Paris have some curious customs which might puzzle an entire stranger, my presence here for a moment might explain any little obscurity. Yes, it is as I thought," glancing towards the mantel.

"Oh, Doctor, that reminds me; what is O-t-a-r-d, pray?"

"Otard is poison."

"Shocking."

"Yes, and I think I had best remove it from the room forthwith," replied the sage, in a business-like manner putting the bottle under his arm; "I hope you never use Cologne, do you?"

"What--what is that, Doctor?"

"I see. You never heard of the senseless luxury--a wise ignorance. You smelt flowers upon your mountains. You won't want this, either;" and the Cologne bottle was

put under the other arm. "Candle--you'll want that. Soap--you want soap. Use the white cake."

"Is that cheaper, Doctor?"

"Yes, but just as good as the other. You don't ever munch sugar, do you? It's bad for the teeth. I'll take the sugar." So the paper of sugar was likewise dropped into one of the capacious coat pockets.

"Oh, you better take the whole furniture, Doctor Franklin. Here, I'll help you drag out the bedstead." "My honest friend," said the wise man, pausing solemnly, with the two bottles, like swimmer's bladders, under his arm-pits; "my honest friend, the bedstead you will want; what I propose to remove you will not want."

"Oh, I was only joking, Doctor."

"I knew that. It's a bad habit, except at the proper time, and with the proper person. The things left on the mantel were there placed by the landlady to be used if wanted; if not, to be left untouched. To-morrow morning, upon the chambermaid's coming in to make your bed, all such articles as remained obviously untouched would have been removed, the rest would have been charged in the bill, whether you used them up completely or not."

"Just as I thought. Then why not let the bottles stay, Doctor, and save yourself all this trouble?"

"Ah! why indeed. My honest friend, are you not my guest? It were unhandsome in me to permit a third person superfluously to entertain you under what, for the time being, is my own roof."

These words came from the wise man in the most graciously bland and flowing tones. As he ended, he made a sort of conciliatory half bow towards Israel.

Charmed with his condescending affability, Israel, without another word, suffered him to march from the room, bottles and all. Not till the first impression of the venerable envoy's suavity had left him, did Israel begin to surmise the mild superiority of successful strategy which lurked beneath this highly ingratiating air.

"Ah," pondered Israel, sitting gloomily before the rifled mantel, with the empty tumbler and teaspoon in his hand, "it's sad business to have a Doctor Franklin lodging in the next room." (Translated from English to Russian by I. Gurova).

Here I will interrupt this fascinating narrative by Herman Melville [6], so as not to inadvertently read it to the end.

So what is the bottom line? Here's what.

The second Baba Yaga story is probably another surviving narrative, this time purely *Russian*, of the World Flood, caused by a gigantic volcanic eruption. And about the rescue of mankind from it, represented by a young female character. We also understand the term STUPA: when erupting, layers of lava overlap one another to form trapezoidal, i.e. *stepped* structures.

It could be the third possible explanation of a plot of a magic tale.

References

7. A. Y. Propp, 'The Historical Roots of the Magic Tale'.
8. James Frazer, 'The Golden Bough'.
9. A. I. Somsikov, 'Gospel Reflections in Folk Tales'
<http://viXra.org/pdf/1808.0658v1.pdf>.
10. A. I. Somsikov, 'Baba Yaga as a Calendar Metaphor'
<https://vixra.org/pdf/1809.0020v1.pdf>.
11. Fellini F., Guerra T. 'Amarcord. And the Ship Sails on': Cinematic novels. Translated from Italian to Russian by G. Bohemsky, A. Mirolyubova. – Saint Petersburg: Azbuka-klassika, 2002. – p. 208 – 214.
12. Herman Melville, 'Israel Potter: His Fifty Years of Exile'. Publishing House "Art Literature", Moscow, 1966, p. 99 – 103.